

Аркадий Габышев

Холодный век.
Часть первая



Аркадий Габышев

Холодный век. Часть первая

«Автор»

2026

Габышев А.

Холодный век. Часть первая / А. Габышев — «Автор», 2026

«Холодный век» - это мрачное эпическое фэнтези о конце привычного мира и начале долгого пути. О страхе и долге, о силе движения вперёд, когда остановка равна смерти. Таинственный Холод диктует свои правила. Живая сила, стирающая память, волю и саму жизнь. Мир расколот войнами и предательствами. Королевства рушатся, армии гибнут, и каждый народ встречает конец по-своему. На фоне ледяной тьмы переплетаются судьбы множества героев - воинов, изгнанников, правителей и безумцев. Их ждут кровавые сражения, тайные союзы, борьба за власть и выбор между выживанием и честью. Когда холод подбирается всё ближе, становится ясно: главный бой будет не только за земли и троны, но и за право миру продолжать дышать.

© Габышев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Чёрная крепость.	5
Глава вторая. Удар изнутри.	8
Глава третья. Плуговские долги.	10
Глава четвёртая. Страшный чертёж.	13
Глава пятая. Кромешная тьма.	15
Глава шестая. Стальная хватка.	18
Глава седьмая. Неведомая кара.	21
Глава восьмая. Чужой очаг.	23
Глава девятая. Долгий путь.	25
Глава десятая. Низкорослый гость.	27
Глава одиннадцатая. Степь.	30
Глава двенадцатая. Курултай.	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Холодный век. Часть первая

*«Кто сражается с чудовищами, тому
следует
остерегаться, чтобы самому при
этом не стать чудовищем. И если ты
долго
смотришь в бездну, то бездна тоже
смотрит в тебя».*

Фридрих Ницше.

Глава первая. Чёрная крепость.

По мёртвому лесу, постукивая колёсами, тащился одинокий обоз, запряжённый старым конём. Охватившая чащобу на днях туча воронья зловеще замолкла. Высохшие деревья скрутились так, что их ветви походили на застывшие когтистые лапы. Усталый торговец тайными тропами пробирался к крепости Чёрного клёна. Его путь пролегал сперва сквозь это чернолесье, а затем через гиблое поле. Сырой и тяжёлый воздух, пропитанный удушливой вонью давно сгнивших озерков, насквозь проникал в одежду, оседая липкой пеленой.

Вдали из тумана проступили смутные очертания крепости: угловатые башни, теряющие вершины в низких облаках, и мрачные стены из чёрного камня. Здесь не было привычного надвратного барбакана - грозной башни, что обычно встречает гостей грудью. Стража застыла снаружи, прямо на уступах. Воины выстроились в ровную шеренгу перед глухой кладкой. Их спины были обращены к полю, лица и сталь алебард - к самой цитадели. Не похожая ни на один вестмаркский замок, ни на вечные твердыни Истмарша, Чёрный клён одиноко темнел посреди гнилопади.

- Спустить Чёрные ворота! - громкий голос стражника разбудил торговца. Путь был таким долгим, что он то и дело проваливался в дрему под мерный скрип колёс. Врата со скрежетом пошли назад, плавно опустились через утыканный кольями внутренний ров и легли на каменные выступы.

Он въехал и сразу направился к таверне. «Глухая башня» лепилась к стене - низкая, с покосившейся дверью и закопчёнными окнами. Изнутри тянуло кислятиной, жареным салом и дымом: единственный тёплый угол во всей этой каменной глотке.

- Ну что, Арно, срок твоей торговой хартии скоро кончается, да? - хозяин протирал стол. Пахло прокисшим вином - ночь была кутежной. Лужи пролитого эля ещё не высохли на дощатом полу.

- Ой, дорогой, у вас кончается - и у меня кончается. Что ж мы, вместе на столицу не поедем? Вместе-таки веселее. - торговец был ещё сонным, укутанный в громадный плащ с капюшоном. Из-под меховой оторочки торчал только кончик длинного носа.

- Да кто его знает! Может, осенью поеду, как морозы не ударят.

- Вольфганг, Вольфганг... Всё вы делаете в последний миг, как и всегда. - Арно вытаскивал из сумки свидетельства, реестры товаров, дорожную опись и другие грамоты. Пергаменты шелестели в его руках, некоторые были закапаны воском - печати потрескались в дорожной тряске. - На вот, распишитесь, дорогой, и на каждой бумажечке, слышите? А то в прошлый раз эти Фиорины, ой-ой, чуть без штанов не оставили!

- Да что ты говоришь, старый пройдоха, неужели тебя могут раздеть? - усмехнулся хозяин и стал подписывать документы, протирая заспанные глаза.

- Фиорины, есть Фиорины. Тут уж раз ошибся - не отвертишься. Такой у них порядок. - Хрипло торговец произнёс, внимательно следя за подписями.

Из таверны вышел посетитель. Дверь на миг распахнулась, впус­тив хо­лодный пар.

- Что есть, то есть, Арно... - Вольфганг подписал последний документ, поставил локоть на стол и спросил: - Ну что же, мой друг из далёкой и светлой Пармани, выпьем сегодня?

- А то! Заскучал я по лангоманскому пойлу. - парманец улыбнулся исподлобья, поднял утверждающе палец и торжественно объявил. - Сегодня и завтра – железно! До отвала! Чтоб на пути, домой, значит, обласкал меня железный сон!

Они расхохотались. Гулкий, непривычный для этих сырых стен смех быстро утонул в густом тумане, вползшем из дверей.

Когда стража отнесла последние товары в склады, наступил вечер, и огни таверны за­ж­глись вновь. Солдаты после караула смирно сидели, сторбившись. Они сняли железные шляпы и молча пили эль.

- Скажи-ка, Вольфи... - торговец медленно жевал мясо, громко причмокивая. - А вот твой родной город, Бурь... Правда, такой неприступный? Что ж о нём бают - ни разу не брали, да?

- Никогда. Войска наши не знают поражений. Те степняки как прискакали, так и у­с­ка­кали, словно побитые псы. - он с серьёзным видом резал хлеб. - Даже вестмаркцы, стервятники, испробовав наши пики на вкус, не стали наступать на следующий день. Сразу же подписали мирный договор.

- Да, дружище, народ твой и вправду боевитый. Помнится, и мои лорды брали их на службу. Я однажды даже видел ваши пики. Железные, длиннющие... - он сидел, подперев щеку рукой, наслаждаясь ароматом хлеба, а затем медленно поднял пьяный взгляд к потолку. - Клянись Пламенем, доставали до самых облаков!

- Так и есть. Наши пики длиннее, а руки, что держат их, крепче. Всегда так было.

- Я таки верю. Если когда-нибудь придёт беда - я к вам, в Бурь, спрячусь. Там, значит, и стены крепкие, и пики острые. Что же, выпьем за это?

- Выпьем, - лангоман поднял тяжёлую чашу. - За Бурь. И за то, что он никогда не пал.

В глубокой глиняной миске дымилось плотное, серо-бурое варево, подёрнутое золоти­стыми кругляшами бараньего жира. Из мутного бульона выступали разваренные до мягкости корнеплоды жёлтой репы и крупные, сочащиеся соком куски мяса. Кое-где на поверхность всплывали тёмные волокна сушёной лесной травы и дикого лука, отдавая похлёбке резкий, чесночный аромат. Арно и Вольфганг макали в жирный сок корку хлеба, и она тут же тяжеле­ла, темнела и разбухла.

Таверна пополнялась стражниками, сдавшими свой пост следующим. Снаружи стоял караул и порядок, а здесь царил хмельной и яростный уют. Кто-то сидел молча, одни ели и пили, другие забывались в хмельном угаре. Многие сняли доспехи и небрежно раскидали их по скамьям. Сквозь закопчённые стены сочился холод - из каменных щелей, из сырых подзе­мельий, но здесь его заглушали жаром очага и терпким пойлом.

Один из стражников достал лютню, лихо вскочил на стол. Его бригантина была полно­стью распахнута, а под ней красовался серый от пыли и пота гамбезон, который воин спьяну разодрал на груди. Голова оставалась обнажённой - шапелъ давно валялся где-то под лавкой. Жёсткие, сальные волосы, похожие на солому, грязными прядями липли ко лбу от жара. Длин­ная, клочковатая борода, которую он не чесал недели две, была щедро усыпана крошками ржа­ного хлеба и блестела от жира. Когда стражник запрокидывал голову, эти заросли тряслись в такт его хохоту. Прижав распахнутое брюхо гамбезона к округлому корпусу лютни, он с остер­венением задёргал струны и мелодично запел:

И последние окажутся первыми...

И тут же вся таверна подхватила, стуча кулаками по столу. Арно удивлённо обернулся и посмотрел на весь зал. Вольфганг лишь улыбнулся и покачал головой. Все хором подпели и начали топтать ногами:

Пока веками идущие впредь,

Укрывшись за твердынями,

Врата забудут запереть.

Небо опрокинется океаном,

И в их окна прольётся вода,

Тогда мужи, забыв о приданом,

Разбегутся кто куда...

Все вдруг замолчали. Лишь стражник играл на лютне и почти шёпотом заканчивал песню:

Никто руки твёрдой не поднимет,

Хват меча они все позабыли,

Так и город их в пламени сгинет,

И осядет на братской могиле...

Когда заиграли последние аккорды, стража встала, подняла кружки, и трижды все хором грянула: «Стража не спит! И тверда рука! Пламя зажигает наши мечи!». Стражник-бард тут же заиграл весёлую мелодию, и веселье в таверне продолжилось до самого утра.

Глава вторая. Удар изнутри.

На рассвете туман стал ещё гуще. Молочная муть обволакивала нижние ярусы башен, лизала каменные ступени, затекала в коридоры и просачивалась даже в казармы. Таверна ещё шумела, но ни одна пьянь не посмела высунуться наружу, пока не отрезвела - капитан таких быстро приводил в чувства.

Сон молодого воина разорвал удушливый дух остывшей гари. Он ударил в ноздри, заставил резко открыть глаза, и защитник крепости по застарелой привычке мечника тут же вскинул руку, проверяя, на месте ли грузная рукоять клинка.

Мертвенная тишина и глухой полумрак навалились следом. Слишком тихо для этой крепости, где проживали сотни солдат. Факелы вдоль стен погасли. Сквозь узкую бойницу пробивался блеклый, безжизненный свет. Со всех углов тянуло сыростью - из подземелий, из каменных щелей. Каждый выдох вырывался изо рта серым облачком пара. На соседних нарах спал прибывший ночью рекрут. Его розовый лик светился безмятежным, почти кощунственным умиротворением. Мальчишка досматривал последний сладкий сон.

Стражник замер на соломенном матрасе. Лицо совсем онемело от пришедшей стужи. На этой проклятой службе каждое утро начиналось одинаково: в казарму влетал десятник и заживо хоронил их покой под лавиной команд. Командир не прощал тех, кто хоть на мгновение мешкал.

Так произошло и в это утро.

Тяжёлая дубовая дверь, окованная полосами ржавого железа, содрогнулась от удара сапога. В проём ворвался злой и запыхавшийся десятник. В одной руке он держал трещавший смоляной факел, в другой тускло поблескивало древко алебарды.

- Вставать, отребье! - взревел он. - Песок в часах капитана почти вытек! Живее натягивайте шкуру! Живо в железо! По двое, в два ряда становись у стены! Кого найду голым - лично скорблю псам!

- Эриан! Ты отвечаешь за щенка! Не жалея его! - крикнул десятник, проходя мимо и постукивая оружием по полу. - Чья щепка валяется под ногами?! Томас, отродье! Поднять алебарду! В следующий раз - кишки выпущу!

Эриан резво соскочил с нар на ледяной пол. Розовощёкий новичок испуганно захлопал глазами - его сонный рай разлетелся вдребезги. Парень замер, бестолково уставившись на груды засаленных ремней и стальных пластин доспехов. Его колотило - то ли от холода, то ли от ужаса перед этим безжалостным гарнизонным укладом.

- Чего застыл, мясо?! - прохрипел сквозь зубы Эриан, на ходу просовывая руки в задубевшие от сырости рукава гамбезона. - Хватай поддоспешник, доходяга! Повернись спиной - затяну ремни! Если опоздаем на стену, капитан шкуры сдерёт!

Казарма наполнилась привычным хаосом. Пальцы стражников, онемевшие от внезапного заморозка, путались в кожаных завязках. Повсюду раздавался сухой треск натягиваемой кожи, частый стук костяных пуговиц и глухое клацанье сходящихся внахлест железных пластин. Люди стягивали друг другу рёбра стальными корсетами брони, забивая латунные язычки в пряжки на спинах сослуживцев. Нахлобучив открытый бацинет и намертво перехватив пальцами в рукавицах ледяное древко, Эриан вместе со всеми ринулся к выходу, в серую пасть двора. Время стремительно утекало, оставляя за спиной лишь запах страха и покинутой постели.

Сотни латников выстроились в боевой порядок. Так стражники Чёрного клёна делали каждое утро на протяжении веков. Поколение за поколением, здесь проходили службу их отцы и деды.

Глава стражи выкрикнул команду. Вдоль шеренги с сухим стуком поднялись массивные щиты. Строй сомкнулся в ровную железную стену.

Хмарь стоял солдатам по пояс, превращая шеренгу в ряд отрубленных, парящих в воздухе торсов. Над белизной едва поблёскивали гербы. Сноп пшеницы. Солнечный круг. Дуб с перебитым корнем. Три рыбы. Олень, пронзённый стрелой. Никто уже не помнил, сколько стоит эта твердыня и что именно они сторожат.

Командир дал новую команду, и строй перестроился: теперь это был полумесяц, выгнутый в сторону крепости. Стражники бросили алебарды и обнажили мечи. Звук стали, покидающей ножны, вышел приглушённым - влажный воздух крал звон, оставляя только шипение. Они начали отрабатывать выпады, но не друг против друга, а в пустоту, в направлении Чёрных ворот.

Новобранец поднял взгляд на башни: бойницы смотрели во двор, каменные балконы верхней галереи нависали так, что литая смола пролилась бы внутрь, а не на штурмующего снаружи. Всё здесь было будто вывернуто наизнанку.

Ни один воин до конца не понимал, что они охраняют. «Сердце Леса» - говорили им. Святая реликвия. Но никто никогда не видел её и не слышал о ней, кроме, быть может, капитана. И всё же каждое утро они выходили и разворачивались лицом к собственному оплоту.

- Встать в шеренгу! - продолжал выкрикивать он.

Он медленно побрёл вдоль строя. Молочная пелена скрывала его ноги, и казалось, его окованная железом фигура беззвучно плывёт над землёй. Старый вояка двигался неторопливо, почти лениво, и долго, в упор вглядывался в лицо каждого стражника. Его взгляд задерживался на выцветших родовых гербах, словно он пытался вспомнить отцов и дедов тех, кто сейчас стоял перед ним в тумане. Люди замерли, боясь лишний раз вздохнуть.

В самом конце ряда командир остановился. Он уставился на новичка. Парень под этим суровым взором задрожал, его щит едва заметно заплескал, звонко стуча о бригадину Эриана. Капитан долго, безжалостно разглядывал не выдавшую крови ткань его сюрко.

Затем он смачно плюнул на замёрзшую землю прямо к сапогам рекрута и свирепо выдал из себя:

- На стены, псы. По местам! Первая смена - к Чёрным воротам, вторая - на галереи верхнего яруса. Щиты не опускать. Сталь из рук не выпускать!

Стена щитов дрогнула и с железным лязгом распалась. Стражники, тяжело переставляя ноги в низинной мути, потянули свои алебарды и копыя обратно к чёрной пасти крепостных ворот.

Глава третья. Плуговские долги.

- Откуда ты взялся на мою голову, немощь? - Эриан стоял на стене. - Как тебя могли сюда отправить?

В крепости наступал вечер. Гарнизон стоял на посту. Внизу, возле таверны, икая и проливая вино на землю, еле переставлял ноги пьяный торговец, подпевая ту самую песню. Рядом сидел хозяин таверны и громко смеялся. Сквозь сырой воздух тянуло жареным салом и травяным ароматом - запахами, которые здесь, на стене, казались почти неприличными, будто из другого, счастливого мира.

- Вы спрашиваете, откуда я родом? - переспросил новичок, широко раскрыв глаза и уставившись на Эриана.

- Да не подходи ты так близко! Отойди. - он занервничал. - Да, мальчишка, откуда родом и как тебя обозвали, такого разгильдяя? - почти по слогам повторил Эриан.

- Моя вина, старший! - новобранец отошёл и посмотрел на лес. - Да я из Плугова, вблизи Виллбурга. Мой отец был крестьянином, а звать меня Родик.

- Крестьянин? Ты не благородной крови. Тебе здесь не место. - удивился мечник и окинул новобранца оценивающим взглядом снизу-вверх.

- Да был, но недавно отца бургомистр назначил главой деревни. Отец мой того не желал. Судились долго, да вот дали - таки дворянство. Посветили в рыцари поневоле и земли дали.

- Бывает. А чего же плохого? Быть рыцарем? Почему этого не хотел отец?

- Разбогател-то он сам, а вот Плугов - совсем не богатая деревня, да и земли его худые. Прежний господарь владений тех, помер на войне. Сынов не было отродясь, да и родни никакой. Вот и выбрали отца моего. - юнец тоскливо посмотрел на поле, а потом - на ворота. - Так-то меня здесь и не было бы...

- И за какие грехи тебя ко мне отправили?

- Долги. Да не его, а деревушки нашей. Прежний владыка не оставил детей, но оставил невыплаченные налоги. Теперь вот я и обрабатываю.

- Не повезло тебе... хотя... это как посмотреть. Тут хоть военному делу обучишься, а так бы на поле пахал.

- Так отец против этого и был. Сына отправить - помощника лишиться... Да и самому снарядиться надобно. Доспехи, оружие, конь боевой... Денег немалых стоят. Да и налоги платить исправно.

- Ну да, забот-то прибавилось. Это тебе не зерном торговать...

- Получается так. Потому я и здесь...

- Теперь всё понятно. У меня схожая история, да только корнями уходит в древность. Ладно, стой пока здесь, я пройду вдоль стены.

- Так точно, старший!

Внизу, во дворе, уже зажигали факелы - их жирный, тревожный свет пополз по камням, выхватывая из темноты кольца ворот и железные шипы баррикад, по-прежнему смотревшие внутрь крепости. Лес за спиной молчал, а туман, охвативший всю твердыню, не отступал. Стражник поёжился - изо рта вырвалось облачко, тут же растаявшее в вечернем воздухе.

Наступила ночь. Родик неподвижно стоял у стены, не отрывая глаз от Внутренних ворот. Из глубин крепости доносился странный, тяжёлый звук, и теперь вся стража слышала это эхо - глухое, низкое, забирающееся под рёбра.

Два стражника поднялись к Эриану. Один держал тяжелое копьё двумя руками, другой - меч, слегка вытащив лезвие. Их взгляды не отрывались от той самой чёрной пасти, за которой теперь гудел ветер.

- Ну что, камрады... сдавайте пост. Наш черёд сторожить. - тот, кто с мечом, даже не взглянул на них. - Идите к капитану. У старика для вас указания.

Эриан молча кивнул и перевёл взгляд на самую высокую башню. Там, наверху, тускло зажглись бойницы. В одном из проёмов угадывался силуэт капитана. Юнец поспешил за Эрианом.

- Странно... Он впервые поднялся на Свечу. - мечник быстро шагал по коридору, сухо буркнув через плечо.

- Свеча? - Родик едва поспевал, поправляя сползающий шлем.

- Так называется самая высокая башня крепости. Оттуда всё видно. Там же и Большой рог. Он трубит общую тревогу.

- На нас напали враги? - испуганно спросил рекрут.

- Да кому мы нужны. - он оглянулся на мгновение. - Тут другое. Чую, что-то случилось. Будет Гарнизонное рушение.

Он зашагал ещё быстрее. Коридоры были длинными и узкими - Родик, привыкшему к пашням и небу, становилось дурно от этой каменной глотки. Факелы горели тускло, оставляя за спиной след тонкого дымка. Их шаги гулко отдавались в каменное чрево - глухой стук сапог, тяжёлый лязг доспехов, сухое клацанье пряжек. Звуки множились, разбегались по коридорам, возвращались коротким эхом, будто за ними кто-то ещё торопился в темноте.

- Гарнизонное рушение... - выдавил новобранец, явно не желая засыпать старшего вопросами.

- Общий сбор. Это когда даже повар достаёт свой боевой топор, конюх - луки и стрелы, а писарям выдают мечи вместо пера. Иди быстрее. Главный смотритель не любит ждать.

Родик почти побежал, удерживая доспехи и закинув алебарду на плечо. Внизу, в глубине, снова завыл странный ветер - и теперь уже оба заметили неладное.

Винтовая лестница уходила вверх. Дверь была распахнута, оттуда доносился громкий голос капитана. Когда Эриан и Родик зашли в дозорную комнату, то увидели всех десятников крепости. Те сразу перевели взгляды на вошедших. На столе лежал старый чертёж всего Чёрного Клёна, а в самой середине, где на схеме чернели подземелья, был воткнут кинжал. В комнате пахло старой бумагой, остывшим воском и ржавчиной.

- Явились! - зарычал капитан. - Тяжелы ваши задницы, я погляжу!

- Встать в ряд! - тут же заревел десятник.

Эриан бросил тревожный взгляд на рог. Родик уставился на чертежи. Старый командир медленно повёл тяжёлым взглядом - сперва на знакомое лицо, потом на того, кто помладше, словно прикидывая на что они способны. На выбритом подбородке красовался большой шрам. Пышные усы шевельнулись.

- На что уставился, юнец? - спросил глава стражи грубо.

- Отвечай! - добавил один из десятников.

Родик замер с приоткрытым ртом. Эриан незаметно толкнул его локтем.

- Я... - новобранец поправил сползающий шлем. - Вспомнил брата. Он зодчий. Вся его комната в чертежах...

- Встать ровно! - рявкнул десятник.

Капитан прищурился.

- Ты разбираешься в этих бумажках? Умеешь чертежи читать?

- Немного мыслю. Брат учил. Я даже хотел...

- Отставить! - десятник шагнул вперёд. - Отвечать прямо!

- Да, ваша милость! Разбираюсь!

Глава стражи медленно обвёл взглядом десятников.

- Вот, учёный малец появился. Не то что вы - орать да железом махать.

Он повернулся к Родику и коротко кивнул, подзывая к столу. Новобранец шагнул вперёд. Сапоги глухо стукнули по каменным плитам - звук разошёлся по башне и замер под сводами.

Где-то далеко внизу снова послышался зловецкий гул. Эриан впервые заметил в глазах, всегда сурового капитана, какую-то тревожность и пустоту.

Глава четвёртая. Страшный чертёж.

В комнате становилось темнее. Свечи, что горели на столе, уже не справлялись - их свет будто сворачивался, сжимался, не в силах разогнать тяжёлые тени по углам. Казалось, сама тьма наваливалась откуда-то сверху, из-под потолка, глуша огонь. Десятник подошёл ближе, подсвечивая факелом, чтобы юный стражник хоть что-то разглядел на пожелтевших листах. Лицо капитана тонуло в полумраке - лишь шрам на подбородке тускло блестел. Родик судорожно сглотнул, опёрся дрожащими ладонями о край стола и уставился на чертёж.

Новобранец ожидал увидеть привычные контуры - внешние стены, стрелки амбразур, вынесенный вперёд надвратный вал. Он до последнего надеялся, что цитадель просто построена наперекосяк, руками безграмотных бродячих каменщиков. Но нет - на бумаге Чёрный клён оставался прежним.

Десятник приставил факел ещё ближе. Перед Родиком раскрылись все очертания крепости. То, что открылось его глазам под светом пламени, заставило парня замереть. Остатки любопытства мгновенно сошли с его лица.

Пальцы в подроспешных рукавицах коснулись чёрных тушевых линий, которые выводила рука безумного зодчего. Чертёж нарушал все законы строительного ремесла, какие только знал Родик.

- Ваша милость... - пролепетал он, чувствуя, как дыхание перехватывает от внезапной стужи. - Это... этого не может быть...

- Говори толком да живее! - прогремел капитан.

- Посмотрите сами, милорд. - парень почти ткнулся носом на чертежи, лихорадочно водя пальцем по линиям. - Крепость... она построена не для обороны. Все укрепления смотрят внутрь. Стены, рвы, бойницы, даже эти балконы для смолы - всё направлено в центр двора. Словно враг не снаружи, а там, у нас под ногами.

Он перевёл дыхание. Палец задрожал, указывая на ряды острых чёрных треугольников на схеме.

- Внешние стены вовсе не внешние, а внутренние... они просто вывернуты. Замок беззащитен перед полями. Зато внутренние галереи... сотни крестообразных амбразур скалятся строго в наш же двор. Здесь всё нацелено на казармы, на конюшни, на собственные ворота. Когда я сюда прибыл, ваша милость, я подумал, что так надо... Это только сегодня мы осаждаем свою же крепость, а завтра всё будет по-иному...

Родик медленно поднял глаза на капитана. Капитан наклонился к чертежу. Палец замер на одном из контуров, нервно дёрнулся и пошёл дальше. Глаза бегали по линиям, не находя ответа.

- Вот это Свеча, здесь мы сейчас находимся, - он показал рукой сперва на чертёж, затем на аркбаллисту в углу комнаты. - Видите? Оружие направлено так же в центр, прямо на Внутренние ворота.

- Господин капитан! - рискнул подать голос один из десятников. - Если мы сторожим артефакт, то почему не защищаем стены? Враг придёт из леса, из полей, а мы всё время держим сталь против своих же ворот.

- Закрыть рты! Здесь вопросы задаю я! - Капитан силой обрушил кулак на стол. Доски содрогнулись, пламя свечей заметалось, выбросило вверх длинные дрожащие языки. Он впился взглядом в каждого из десятников. - Вы все давали клятвы! Или я не пойму?! Вы, ублюдки, решили отступить?! Здесь каждый знает, как я поступаю с клятвоотступниками!

- Моя вина, господин капитан! - тут же десятник извинился.

- Не карайте строго, ваша милость! - остальные поддержали сослуживца.

- Ваше дело - держать в руках железо, а язык за зубами! - Капитан встал во весь рост, его тень накрыла всех командиров. - Хоть ещё один вопрос! - разъярённый командир продолжал стучать по столу через каждое слово, - Лично вырву язык этим кинжалом, - он оторвал от чертежа воткнутый кинжал, - а потом выкинул из этой башни вниз! Всё понятно?!

- Воистину! Да, капитан! - воскликнули хором десятники.

- Встать в строй, отребье! - казалось, гнев капитана не утихал, а напротив, разгорался с новой силой. - Дюваль! На рог, крысиное отродье! Готовсь затрубить! Йохан - на аркбаллисту! Томас! На крышу - разжечь Свечу! А вы, псы - к своим! Собрать отряды! Я объявляю Гарнизонное рушение!

Все десятники поспешили выполнять приказы. Эриан взял со стены факел и подошёл к столу, где Родик всё ещё всматривался в чертёж.

- Эриан! Малец! - капитан продолжал гневно кричать, его голос был подобен грому. - Вот вам ключи.

Он снял с пояса огромную связку ключей, тяжело бросил на стол.

- Вот здесь, - он неуверенно указал на бумаге область подземелий. - Должны быть какие-то ворота. Перепроверить на замок! Берите с собой эту мазню - используйте как карту. Если открыты хоть одни ворота или двери - закрыть! - его глаза загорелись, широкая челюсть тряслась. - Приказ понятен? Закрыть все ворота и двери!

Эриан отдал честь капитану. Родик быстро собрал со стола нужные чертежи, и они поспешили вниз.

Когда они спускались по винтовой лестнице, затрубил рог. Тяжёлый, окованный медью, он отозвался утробным, хриплым рыком, который мгновенно перерос в оглушительный, всепоглощающий гул. Звук ударил на стены, заметался по узкому колодцу лестницы, многократно усилился, ударил в уши, в грудь, в каждый угол твердыни. Родик на мгновение зажмурился, стиснул зубы - казалось, сами камни задрожали от этого рева.

- Большой рог... - отозвался испуганный новобранец.

Он небрежно свернул листы чертежей в трубки, засунул под мышку и, взглядываясь в один из них, путаясь в собственных сапогах, устремился по лестнице.

Винтовая лестница уходила вниз крутым, неровным спуском. Каменные ступени не стёрлись за столетия - Эриан только сейчас это заметил. Острые грани, ни одной выбоины. Он понял, что сюда редко поднимались. И вот - первый тревожный сбор, первые приказы Гарнизонного рушения. От этой мысли стало ещё холоднее.

- А нас отправили в самую тьму, - сказал он, не оборачиваясь. - Туда, где что-то пытается выйти наружу.

Он оглянулся на новобранца, выдержнул у того едва удерживаемую алебарду.

- Оставь это здесь. Тебе и меча хватит в тех бесконечных коридорах.

Родик, не обратив на это внимания, шумно и небрежно продолжил спускаться. Он шёл на ощупь и был погружён в страшный чертёж, в те безумные линии зодчего, что сбивали с ног. Алебарда с глухим железным стуком упала на каменную ступень, звякнула, покатила вниз и затихла где-то в темноте.

Глава пятая. Кромешная тьма.

На вершине Свечи вспыхнуло пламя. Десятник поджёг огромную сигнальную чашу на крыше, и огонь разгорелся так ярко, что его стало видно из любого места Чёрного Клёна.

Капитан вышел на балкон. Навалившись тяжёлой грудью на перила, он мрачно смотрел вниз. Под его взором стражники во дворе метались, как потревоженные муравьи, а сама вывернутая крепость казалась разорённым гнездом.

Эриан и Родик спустились во двор. Знакомые лица стражников мелькали в бурлящей толпе. Все бежали занимать свои посты. Кто-то впопыхах ронял оружие на камни, кто-то метался без шлема. Десятники надрывали глотки, выкрикивая команды. Стоял такой гомон, что Родик пригнул голову, вжал плечи, руками придерживая сползающий на глаза шлем. Эриан же шёл уверенно, едва задевая плечом мечущихся солдат.

- Куда нам дальше? - спросил он, слегка повернув голову, но не замедляя шага. Его взгляд был устремлён сквозь суету.

- Нам во Внутренние ворота, а потом прямо, - Родик на ходу заглянул в развёрнутый пергамент. - Там пять таких проходов, а за ними...

- Что за ними? - Эриан наклонился, поднял с земли кем-то брошенный тяжёлый арбалет.

- За ними... вниз. - Родик достал из-за пазухи другой лист, заметно темнее первого. - На рисунке мастера здесь одни подвалы и глухие коридоры...

Мальчишка торопливо семенил следом. Казалось, чужие сапоги были ему велики, а кованый доспех давил на плечи всей своей тяжестью. Эриан быстро сорвал со стены ещё три факела, затушил их про запас и прицепил к поясу.

Чем ближе они подходили к воротам, тем тише становилось вокруг. Крики двора таяли позади. Здесь уже не несли службу постовые. Пыль веками оседала на плитах, превратившись в толстый, мягкий ковёр. Никаких огней - лишь голые, серые стены и густая паутина по углам.

Перед ними выросли Внутренние ворота. Мощные дубовые створы были сплошь обиты ржавым железом. Эриан нащупал нужный ключ в тяжёлой связке, вогнал в скважину, повернул три раза. Механизм оглушительно лязгнул, эхо покатилося по тёмным переходам. Он навалился плечом, но смог лишь со скрипом приоткрыть одну створку - за сотни лет петли намертво заржавели.

Они побежали дальше, к следующим переходам. Тьма сгущалась, окутывала их, пока впереди не остался лишь непроглядный мрак. Когда они с трудом одолели последние, пятые ворота, то оказались в сыром, пахнущем склепом зале. Прямо в полу чернел дубовый люк - спуск в подземелье. Мечник не сумел поднять тяжёлую крышку полностью. Образовался лишь узкий проём, в который сперва проскользнул Родик, а следом - Эриан. Едва сапог стражника покинул залу, дубовая крышка с глухим стуком захлопнулась за их спинами.

Сгнившие от сырости, покрытые бледным грибком ступени затрещали под весом так сильно, словно готовы были развалиться. В один миг гнильцо под ногами Родика лопнуло. Парень с криком полетел вниз, в бездонную пасть тьмы, но Эриан в последний миг успел перехватить его за ремни доспеха.

- Осторожней, парень! - стражник сердито посмотрел на новобранца. - Упадёшь - искать не стану.

Наконец они спустились и стало заметно сырее. Стражники шли по узким переходам, уводящим их всё глубже и глубже. В тишине раздавался зловещий гул сквозняка, редкий стук капель и тяжёлый топот их собственных сапог. Они замедлили шаг.

- Далеко ещё? - Эриан безуспешно всматривался во тьму.

- Мы должны уткнуться в тупик, а там будет люк вниз, - молодой новобранец, разобравшись в старых свитках, теперь пользовался ими увереннее. Он поднёс факел ближе к рисункам. - Потом опять коридор и...

- Что и?

- Эриан... Нам придётся спускаться по стремянке...

- А что с ней? – с подозрением он спросил.

- Она так глубоко ведёт. Мы спустимся в настоящую преисподнюю... - малец продолжал рыскать в бумажках. – Потом дверь, а за ней какой-то зал.

- Что в зале?

- В зале... - парень прищурился - Ворота. Там обозначены какие-то ворота. Судя по линиям, они заметно больше остальных.

- А что за воротами? - лицо Эриана исказилось в гримасе, он тщетно пытался разглядеть хоть что-то во мраке.

- Ничего. Одно большое чернильное пятно. - Родик глазами искал ответы на древней бумаге.

- Это пещера... - глухо произнёс Эриан. - Вот там и таится то, что нам приказано якобы стеречь. Мы с тобой никакие не стражники артефакта, Родик.

- Тогда кто мы? - удивлённо спросил парень, глядя в широкую спину идущего впереди воина. - Ведь в уставе чётко сказано, что...

- К черту устав! - шаги Эриана стали тяжелее. - Всё это время мы были обычными тюремщиками. Там, в подземных пещерах, что-то заперто... Или кто-то.

- Заперто?.. Тюремщики? - Родик нервно забегал взглядом по пергаменту, дрожащими пальцами перебирая потемневшие листы.

- И заперто там что-то зловещее. Оно спало здесь веками, а теперь проснулось и вырывается наружу.

Родик замолчал. По спине пробежал липкий ужас. Из глубин подземного лабиринта тоскливо завывал подув. Плитняк под ногами и стены прохода превращали каждый шаг в муку. Стужа пробирала до костей сквозь стёганые поддоспешники и стальные латы. Ноги в сырой обуви начали стремительно замерзать.

В конце прохода лежал окованный зев из дерева, но створка примерзла намертво. Проклиная всё на свете, воин обнажил меч, принялся откалывать остриём лёд по краям и яростно бить по настилу рукоятью. Лязг разлетался по коридору и замирал где-то глубоко позади. Малец принялся водить факелом и в углу заметил ржавые звенья.

- Эриан, посмотри! Тут цепи! Нужно тянуть их!

Бывший стражник, в одночасье ставший тюремщиком, словно вымещая злость на собственном осознании, бросил факел на пол и вцепился в железо. С натужным скрежетом створка поддалась, слегка приоткрылась, но так и не распахнулась до конца. Родик схватил пальцами за ручку, но тут же с вскриком отдернул руку - металл оказался ледяным. Собравшись с духом, он перехватил ржавчину заново и рванул на себя, заставив створу распахнуться ещё немного - теперь в тёмный проём можно было просочиться. Из чёрной щели тут же ударил ледяной ветер.

- Эриан! Пройти можно!

- Чему ты радуешься, глупец? - мрачно буркнул Эриан. - Теперь нам спускаться ещё ниже, прямо в логово этой ледяной тьмы.

Тёмный зев оказался обледенённым ещё сильнее.

- Вот что странно, парень... - донёсся спереди глухой голос Эриана. – Видишь наледь? На этом льду нет ни пылинки. Он кристально чист. Будто намёрз здесь совсем недавно.

Родик промолчал, безуспешно пытаясь разглядеть, что ждёт их впереди. Но в узком проёме царил непроглядный мрак.

Дойдя до тупика, они обнаружили, что древесина люка была расщеплена в щепки и намертво заблокирована ледяными глыбами. Эриан перехватил меч поудобнее и принялся колоть. Прозрачные осколки с хрустом отламывались, срывались вниз и падали в бездну, порождая хрустальный звон, который многократным эхом разносился во тьме.

Перед ними открылась бездна. Мечник разжёл факел и скинул в темноту. Огонь исчез во мраке.

- Как глубоко мы должны спуститься... - задумчиво почесав щёку, он первым полез во тьму.

Соскальзывая и время от времени согреваясь, они долго спускались по бесконечной стремянке, пока не наткнулись на камень.

- Мы пришли, Родик, – его слова поглотило эхо, - Слышишь? Там, за дверью, пустота. Это и есть бездонная пещера, - выдохнул Эриан.

Бродивший сквозняк выдавал колоссальные размеры подземного зала, где крошечная тьма веками не знала живой души. Звуки падающих капель здесь казались такими громкими и гулкими, что Родик на мгновение прикрыл ладонью ухо. Где-то в вышине, под сводами, зловеще завывал ветер, закручиваясь в незримые вихри.

Из темноты на них выползли гигантские, подавляющие своими размерами врата.

- Они полностью из железа... - прошептал мечник, коснувшись пальцами в латной рукавице чёрного металла, - Здесь что-то высечено... сцена какого-то ритуала... Не разобрать, слишком темно...

Родик задрал голову вверх, но так и не смог разглядеть в темноте, где заканчиваются эти створы.

- Не стоит их открывать, старший... Не надо, - из пересохших губ вместе со словами вырывался густой пар.

- А ключей у нас больше и нет.

- Тогда...

- Они заперты так, чтобы их никогда больше не открывали. Нам пора возвращаться. - Эриан медленно зашагал назад, пятясь во тьму и отчаянно просвечивая факелом гигантские, дрожащие ворота.

Железная пасть источала пробирающую до костей стынь. Металл словно выл от невыносимой судороги, сковавшей его изнутри. Створы мелко, непрерывно дрожали, издавая утробный железный стук и мертвенный звон, который ледяными иглами прошивал саму душу, выхватывая из неё последние капли тепла.

Глава шестая. Стальная хватка.

Наверху Чёрный клён был в полной боевой готовности. Все стражники заняли свои позиции и устремили жерла орудий на Внутренние ворота.

Цитадель застыла, превратившись в стальной капкан. Всё пугающее, вывернутое наизнанку - теперь раскрылось в своем истинном, смертоносном величии. На галереях, опоясывающих двор ровными ярусами, плечом к плечу стояли арбалетчики. Стальные болты, тускло поблескивая в полумраке, были нацелены строго вниз, в пустоту двора.

Каменные выступы машикулей над казармами дышали тяжёлым, удушливым жаром. Там, нависая над проходами, стражники суетливо раздували угли под гигантскими медными котлами. Огонь лизал закопченное дно, и вязкая смола уже закипала, исходя пузырями и бросая на серые стены неровные отсветы пламени. Жирная пелена дыма волочился по замковому двору, смешиваясь с туманом.

- Больше дров! - надрывался десятник на галерее. - Подкидывайте! Не давайте смоле остыть!

В углах цитадели, на массивных деревянных помостах, замерли расчеты аркбаллист. Метательные орудия, способные кованым бревном пробить рыцаря вместе с конем, были взведены до предела. Их жилные тетивы натянулись со стоном, готовые сработать от одного удара молота. Снизу, у подножия башен, выстроилась глухая стена из копейщиков и щитососцев. Воины переступали с ноги на ногу, покрепче перехватывая древки и пряча лица за забралами шлемов от летящей с неба копоты. Весь замок превратился в нацеленное внутрь себя оружие, державшее на прицеле единственную точку - пасть Внутренних ворот.

- Секиры наготове! - разносилось с другой стороны.

- Арбалетчики! Готовьтесь бить по команде!

- Ждем Эриана и мальчика! Приказ капитана! - солдаты на стенах цепочкой передавали команду из уст в уста.

Капитан не отрывал от них пристального взгляда. Те в ответ злобно скалились узкой щелью, за которой клубилась мёртвая тьма. Внезапно из этой черноты с протяжным, утробным воем вырвался первый яростный порыв ветра. Бешеная струя мокрого снега и мелкого, колючего льда ударила прямо во двор, заставив факелы испуганно затрепещать, а стражников - покрепче перехватить древки. Командир усердно вглядывался в эту пасть, он то ли надеялся, что вот-вот оттуда невредимыми выйдут Эриан и тот юнец, то ли ждал появления того, что веками таилось в подземельях...

- Это хорошо, что она заперта... - Родик первым протискивался назад. - Осталось подняться и закрыть на замок все остальные двери и ворота.

- Думается мне, замки тут не помогут, - Эриан двигался следом за новобранцем, непрерывно оглядываясь. Из темноты позади них зловеще завывал ветер. - Того, что там заперто, ничто не удержит.

- Держись крепко, юнец! - стремянка, в самом конце, зашаталась. - Осталось совсем мало.

Поднявшись, они побежали к следующему люку. Переход казался бесконечным, воины неслись сквозь глухую тьму, как вдруг со спины им вдогонку ударил такой неистовый вихрь, что обоих мгновенно сбilo с ног. Одежда и доспехи в секунду покрылись коркой изморози и снега. Родик даже не успел понять, что произошло: подошвы его сапог намертво прилипли к обледеневшим плитам, парень вылетел из обуви и покатился по гладкому полу, словно оборванный лист.

Эриана прибило прямо на деревянную лестницу, ведущую на верхний ярус. Защищаясь от режущего ветра, стражник прикрылся рукой и попытался разглядеть, что творится позади, но тщетно. Ветер сек кожу так, что лицо и пальцы мгновенно онемели, перестав что-либо чув-

ствовать. Свободной ладонью он судорожно придерживал шлем - сталь уже налилась стужей, и мороз, казалось, вгрызался прямо в череп.

Новичка, беспомощно скользившего по настилу, швырнуло ветром к самому подножию ступеней, и мечник тут же слепо вцепился в его доспех. Он с огромным трудом спустился к новобранцу, и они вместе забились в узкую нишу подъёма. Вокруг стоял оглушительный гул, и несло мокрыми хлопьями. Последние факелы мгновенно погасли. Мрак и лютая стужа сжали их в безжалостные тиски.

- Эриан! - закричал перепуганный и промёрзший до костей Родик.

Вместо ответа он молча укрыл парня своим телом, навалившись сверху и отчаянно уцепляясь за перекладину. Гнилой дощатый пролёт уже ходил ходуном, готовый вот-вот рассыпаться в щепки.

- Родик! Нам нужно прорываться! - сквозь зубы прорычал стражник. - Ещё немного, и лестница рухнет! Нам нельзя здесь оставаться!

- Я не могу! Эриан, я не могу! - новобранец продолжал лежать на плитах, ещё сильнее сжавшись в жалкий комок. - Эриан, не бросай меня! Эриан!

Несчастные почти не слышали друг друга. Метель, оглушая воинов, мгновенно уносила прочь любые слова. Эриан с трудом поднялся на колени. Его шлем сорвало сквозняком во мрак, а морозные когти рвали кожаные завязки на поддоспешнике, пытаясь обнажить плоть.

- Нужно встать, Родик! Нужно идти! - кричал он прямо в ухо парню, но тот, казалось, окончательно оцепенел от страха и ничего не слышал.

Вцепившись сильнее в уцелевший край настила, мечник потащил застывшее от страха тело юнца. Кое-как они доползли до первой ступени. Эриан из последних сил рвал жилы, подтягивая парня к себе и лихорадочно нащупывая во мраке всё, за что можно было бы ухватиться.

- Родик, глупец! - продолжал надирать глотку. - Помоги мне! Помоги мне спасти тебя! Родик!

Шквал свирепствовал, но в узком створе чудом скопились завалы снега и льда. Бешеный напор вьюги наконец немного ослаб. Родик приподнял голову, бросил на старшего беспомощный взгляд и из последних сил ухватился за его кольчугу. Цепляясь друг за друга, они кое-как доползли до дверцы верхнего люка.

- Держись за ступени! Лежи тут и не двигайся!

- Я не чувствую ног... Эриан! Я совсем не чувствую ног!

Измощённый стражник поднялся на колено и вслепую нашёл щель. Он уже собирался подтянуть Родика к проходу, как вдруг снизу с воем ударил новый, поистине чудовищный ветер. Волна с грохотом врезалась в них, и стражников подбросило вверх. Их тела с размаху выбили дубовую створку, и они вместе с обломками вылетели наверх. До спасительного выхода во двор оставался последний рывок.

Бешеный поток воздуха утаскивал их в самый конец утробы. Сорванные застёжки доспехов лопались одна за другой, кожаные ремни свистели на ветру, а помятые стальные латы безвольно висели на плечах. С глухим, жутким скрежетом тела воинов катились по каменному полу, неумолимо приближаясь к последнему лестничному пролёту - той самой лестнице, что вела прямо в замковый двор.

Эриана кинуло далеко в тупик, и он уткнулся спиной в ледяную стену. Рядом, в крошечной тьме, что-то с дикой силой билось о камень. Массивные подмости, сорванные с нижних креплений, безумно раскачивались и колотились о кладку.

Задыхаясь от кашля и боли, стражник принялся шарить руками и ногами во мраке, пока не наткнулся на что-то мягкое. Родик. Полуживой узник подземелий подполз ближе и нащупал окоченевшее лицо собрата по несчастью.

- Ты живой?! Юнец?! Ответь мне!

Новобранец дышал, но был слишком слаб и истощён, чтобы вымолвить хоть слово. Он лишь судорожно закрывал лицо, но сумел ухватиться за прочный кожаный пояс сослуживца.

- Нам нужно подниматься! - Эриан попытался взвалить его на себя. - Это последняя лестница! Дальше только верхние ворота во двор! Родик, слышишь меня?!

Яростная напасть бесчинствовала в проходе. Из последних сил стражник вгрызался, ломая ногти, в трещины на стенах, упрямо продвигаясь вперёд и волоча за собой парня.

Ориентируясь в кромешной тьме лишь на слух, Эриан дотащил юнца до самого подножия пролёта. В этой снежной круговерти нужно было поймать мечущееся дерево, ухватиться за него, а затем подняться и как-то выбить дверцу наверху - ту самую, что с глухим стуком захлопнулась за их спинами в самом начале пути, отрезая спасение.

- Держись крепко! - стражник прижался к парню и закричал ему прямо в ухо. Новобранец едва заметно кивнул.

Вьюга продолжала неистово швырять трухлятину, бросая её со свистом то вверх, то с оглушительным треском вниз прямо перед лицом Эриана. Он, выжидая, замер на коленях. Ему нужен был один-единственный миг. Одна ошибка, и эта обезумевшая рухлядь либо снесёт их намертво, либо сама разлетится на мелкие куски.

Словно из другого мира в его памяти всплыло залитое солнцем детство. Вот он, мальчишкой, стоит у подножия дуба с натянутой тетивой, а дед шепчет над ухом: «Бить нужно в единственный верный миг. Не раньше и не позже». И олень замирает на поляне под золотыми лучами. Дед выдыхает: «Сейчас». Стрела вонзается точно в цель.

Оглушительный, яростный удар вернул его в ледяную реальность подземелья. Эриан услышал родной голос: «Сейчас!». Он выбросил руку и стальной хваткой сжал пальцы на беспокойной ступени, а второй рукой до хруста перехватил воротник Родика.

- Прыгай! - хрипло выплюнул он, увлекая парня за собой.

Два обглоданных стужей тени едва удержались на перекладинах. Перехватываясь, они упрямо поползли выше. Распластавшись на ломающемся дереве, Эриан медленно тащил Родика. Нижний конец окончательно с хрустом отломался, и тряска немного утихла. Сильнее вцепившись, они преодолели последний отрывок и уткнулись головами в заветную дубовую створку.

Глава седьмая. Неведомая кара.

- Прижмись ко мне крепче! - рявкнул Эриан, вслепую нащупывая ледяную кованую ручку. - Мы долго не провисим! Я удержу нас на самом люке!

В этот роковой час белый ад завыл во всю глотку.

Из глубин вырвался первобытный, неопиcуемый рев, в котором слились воедино грохот раскалывающегося мира, ропот вечных хмар и скрежет сталкивающихся гор. Твердыня содрогнулась от мощнейшего подземного удара. Казалось, будто на обреченную крепость обрушилась вся злоба разгневанных богов - башни раскалывались пополам, а стены оседали вниз.

Чудовищная волна намертво прижала подземных узников, не позволяя сделать даже вдох. Стражники сошлись в беззвучном крике. Звук неборимой силой бил прямо в разум, в их глазах ослепительно побелело. Сознание вспыхнуло невыносимой болью. Эриан, теряя рассудок, всё же не разжал пальцев, удержав и Родика.

И вдруг вихрь оборвался в одно мгновение, и ветер полностью стих. От разбитого подъёма под их ногами осталась лишь пара чудом уцелевших ступеней, на которых они едва удерживались над бездной.

Новобранец продолжал кричать в судорогах.

- Родик, тихо! - старший первым пришёл в себя.

Деревянная створка люка была попросту расколота. С трудом оттолкнув обломки, они выползли наружу.

- Ты живой?! Родик! Родик, приди в себя! - Эриан изо всех сил тряс за плечи истошно вопившего парня, пытаясь вернуть его к реальности. - Вставай, дурак! Нужно уходить! Живее! Остались немного!

- Я не чувствую ног! Как же больно! - новобранец уселся и слепо шарил руками вокруг собственных бёдер.

Эриан достал последний уцелевший факел, разжёг его и поднёс к ногам мальчишки. Кожа на бесформенных ступнях юнца налилась сине-чёрной синевой. Потусторонний мороз не пожалел молодой плоти: обмороженные ткани лопнули, сочась тёмной кровью, а сами ноги судорожно дрожали.

- Ты не сможешь идти... - изменившись в лице, он взвалил парня на загривок. - Я потащу тебя.

Свет факела выхватывал заваленные до потолка сугробы. Опираясь на стену, он тяжело побрёл прочь, минуя один арочный проход за другим, пока не упёрся во Внутренние ворота, ведущие во двор. Твёрдые дубовые створы уже были задвинуты

Прижавшись ухом к обледенелому дереву, он услышал, как снаружи доносятся редкие крики и далёкий грохот неистовой битвы.

- Что там происходит?

- Бойня... Полежи здесь. Я попробую открыть.

Стражник опустил парня на снег, дал ему факел. Тот почти не сжал ладонь - лишь посмотрел в ответ усталым взглядом.

Эриан навалился на створы. Заклинивший засов поддавался неохотно, но стоило им приоткрыться, как снаружи воцарилась зловещая тишина.

Закинув Родика на плечи и, обнажив меч, он осторожно перешагнул порог.

Во дворе Чёрного клёна клубился непроглядный серый туман. Низкое небо заволочло низкими тучами. Вся цитадель выглядела так, словно неведомая кара сокрушила всё на своём пути - укрепления пошли глубокими трещинами, а верхушка башни Свечи полностью исчезла в вышине, обрушившись внутрь.

Эриан медленно направился к казармам, и перед ним открылся весь размах кошмара. Десятки стражников лежали на каменном настиле, примерзшие к полу, который сплошь покрылся красным инеем. Всюду была кровь. Споткнувшись обо что-то круглое, мечник опустил взгляд.

Это была оторванная голова капитана.

- Родик, закрой глаза. Не смотри.

Взгляд капитана намертво застыл, зрачки покрылись мутной белой пеленой. Раскрытая в немом вопле пасть лишилась всех зубов, а язык был безжалостно оторван.

Эриан тяжело зашагал дальше по мёртвому двору. Защитники на галереях сплошь покрылись изморозью. Окоченевший воин упрямо, тяжело дыша, пробивался вперёд - нужно было спуститься и выйти к Чёрным воротам. Нижний надвратный проход оказался завален изуродованными тушами. В кровавом льду застыли оторванные конечности, ещё сжимающие рукояти алебард.

Спускаясь, выживший стражник заметил лишённые тела ступни. Несчастный сослуживец в панике пытался сделать шаг, но его сковало напастью, и бедолагу просто оторвало от собственных ног силой его же бега. Холод нагнал гарнизон внезапно, и он никого не щадил. Возле таверны, рухнув, с разбитой головой, застыл торговец, а рядом из сугроба торчал вмерзший хозяин заведения.

- Родик... Родик, как ты там? - Эриан из последних сил ковылял к таверне. - Эй, просыпайся, парень.

Он остановился у крыльца и с трудом преодолевая онемение в мышцах, бережно снял мальчишку с зашивка. Опустив на окровавленный снег, Эриан поднёс к его лицу затухающий факел. Точно такое же лицо было у Родика, когда он впервые увидел его в казармах, тем туманным утром. Но теперь глаза юнца остекленели, губы посинели, щёки покрылись мертвенной серостью, а сон его стал уже вечным. Новобранец так и остался лежать, скованный судорогой в той же позе, в какой висел на плечах у старшего сослуживца.

Стражник обессиленно упал на колени перед телом. Он протянул дрожащую руку и бережно закрыл Родиду веки.

- Мы проверили все ворота, Родик... Извини, что теперь... Закрываю и твои глаза... Не уберёг я тебя, юнец... Спи вечным сном. И пусть Пламя примет твою душу в свои тёплые объятия...

С серого, беспросветного неба лениво повалили крупные хлопья. Они беззвучно оседали на посиневшие губы юнца, на разбитые камни крепости и на разорванные тела мёртвых стражников. Последний осколок Чёрного Клёна поднял озлобленный взгляд на ворота, за которые капитан выгонял их каждое утро, чтобы они защищали «артефакт». Они были сметены и глубоко зарыты в сугробы, а толстые железные цепи одиноко висели, постукивая о стены от порывов ветра. Перед выжившим стражником, сквозь пелену тумана, открылось безмолвное царство снега и льда, которому на горизонте не было конца.

Глава восьмая. Чужой очаг.

Дни становились всё короче, а ночи - темнее и беспросветнее. Если блеклые лучи солнца ещё как-то просачивались в полдень сквозь плотное кружево облаков, то по ночам тонушая луна во мраке едва тускнела. Время от времени уцелевший встречал людей. Безмолвных и оледенелых. Вот стояли брошенные посреди дороги обозы с закоченевшими лошадьми, вот лежали пустые вёдра: крестьянин шёл с реки с водой, но лютый мороз не дал сделать и пары шагов.

Несчастный скиталец наткнулся на опустевшие деревни. Спасаясь от бешеной стужи в занесённых снегом по самую крышу изб, он находил лишь мёртвый покой. Проклятая стужа заковала их в лёд за мгновение: хозяева изб так и остались сидеть за столами целыми семьями с деревянными ложками в руках или в постелях, навеки превратившись в безмолвные синие изваяния. Эти жилища не раз спасали его от ночного кошмара, но передышки длились недолго. Объятия холода смыкались всё крепче. Нужно было идти дальше, на север, теша себя призрачной надеждой, что там всё по-другому.

Полностью обессиленный, опираясь на деревянную трость, он едва переставлял онемевшие ноги, когда добрёл до кромки незнакомого леса. Левое веко намертво примерзло к обветренной щеке ледяной коркой, но второй, лихорадочно дёргающийся глаз заметил: сугробы вокруг начали мелеть, а ледяные наплывы на стволах стали исчезать. Здесь, под сенью старых крон, дышалось намного легче, и воздух казался странно тёплым. Сапоги вступили на мягкую землю, но из глубоких расщелин по-прежнему веяло стужей.

Несчастный без сил рухнул на колени, а затем повалился спиной на груды сухих ветвей. В просвете между верхушками деревьев показалась луна. Мутная, далёкая, едва различимая в своей туманной дымке, она всё же явилась ему. Прямо над головой воина, на толстом суку, что-то тяжело зашевелилось, захлопало крыльями и, глухо заурчав, сорвалось в ночное небо. Призыв совы уносил Эриана в царство снов.

Измождённого мечника разбудил тревожный шелест листвы. Время вышло, нужно было вставать. Застонав от боли, он упёрся в землю топором, поднялся на ноги и медленно зашагал в глубь леса.

Впереди, сквозь лениво падающий снег и сплетение ветвей, он заметил далёкий, манящий тёплый проблеск. Среди безмолвных деревьев высилась одинокая лесная хижина, и в её маленьком окошке живым золотом дрожал огонь.

Он зашёл в эту хижину. Свечи медленно догорали, отбрасывая трепещущие тени на стены. Под ногами хрустело сено, посыпанное на пол для тепла. Серые стены веяли холодом, но в воздухе было густо и тепло. Тихо потрескивала печь, а на ней стоял маленький чугунный котелок, наполненный яйцами. Они варились так тихо и размеренно, что он ощутил непривычное спокойствие. К его удивлению этот простой чугунок излучал такой уют, что на глаза навернулись предательские слёзы. Бурлящая вода убаюкивала, и ему захотелось свалиться с ног и погрузиться в небытие. Ноги сами подкосились, и обессиленный мечник оказался сидящим на коленях. Наконец спину обездоленного покинула вечная тревога, разжав свои ледяные объятия. Тот лютый мороз за стенами дома уже ничем не угрожал, лишь ветер осторожно постукивал в оконницу, словно просясь внутрь.

- Скинь капюшон и живо подними свои руки...

Из тёмного угла хижины раздался хриплый, немолодой голос. Что-то глухо закрипело. Этот звук бывалый стражник не спутает ни с чем на свете: кто-то во мраке натянул тугую тетиву.

- Я пришёл с миром. Отогреюсь и пойду дальше, - почти без сил прошептал Эриан.

Он медленно поднял ладони и уставился в ту точку, откуда на него смотрело невидимое остриё стрелы. Тёмный угол избы зашевелился.

- Ты глухой или как? Одно три раза повторять не стану... Сними свой капюшон, - в голосе незнакомца отчётливо проступила опасная злоба.

Уцелевший воин повиновался. Обледеневшая ткань с трудом поддалась, и на плечи упали спутанные льдом пряди волос. Перед хозяином предстал измождённый, едва живой человек: впалые глаза, заострившиеся скулы и густая борода, густо покрытая инеем.

- Лик твой вижу. Не самое приятное, но хоть людской. Руки, опусти, не тряси. Скидывай лохмотья, повесь у печи да иди к столу - сядь на скамью.

Из тени наконец выступил старик. Его горбатая фигура была тощей, почти высохшей, но в движениях чувствовалась привычная, отточенная годами сила. Тетиву он расслабил, но длинный тисовый лук по-прежнему сжимал в сухой мозолистой руке.

- Откуда ты явился? Куда прёшься? Небось дезертир? - хозяин дома нервно окинул взглядом помятые стальные доспехи гостя.

- Из Чёрного клёна... - Эриан тяжело опустился на скамью, бессильно упираясь ладонями в колени.

- И какими же судьбами тебя занесло в эту глушь?

- Она пала. Её больше нет. Все мертвы, весь гарнизон...

- Слышал о ней. Неладная твердыня, затерянная где-то в болотах, как люд молвил. Как она пала?

- Оно вырвалось наружу. Всё обрушилось... - перед глазами измождённого стражника вновь возник последний, усталый взгляд Родика. - Я потерял друга.

- Ладно, - старик положил лук на край стола. - Видать, ночь-то долгой будет. Рассказывай, что там произошло.

Он аккуратно снял с печи чугунок и выкатил на деревянную тарелку горячие яйца.

- Ешь. И молви с закрытой пастью. Да не смей мне лгать. Я ложь сразу чую, у меня с неё чих нападает. Как начну чихать - беда тебе.

- У меня нет причин лгать, - Эриан наконец поднял тяжёлый взгляд.

- Слово, парень, тоже оружие, а ложь - самая острая, - проворчал старик, разламывая дымящуюся скорлупу.

Ночь прошла за мрачным рассказом последнего стражника. Ветер на улице выл всё сильнее, с яростью бросая в стены охапки колючего снега.

- И что ж ты, последний из той вашей стражи, теперь думаешь делать? Гонимый этой стужей, попрёшься дальше на север?

- Я не знаю. Мне некуда идти.

Старик внимательно взгляделся в его измученное лицо, затем перевёл взгляд на окно, за которым бушевала сплошная белая тьма.

- Да и у меня тут идти некуда, - он угрюмо покачал головой. - Ложись спать, не маячь. Там, в углу, шкуры валяются. Утром решим.

- Что решим?

- Решим, кем ты для этого леса будешь. Подарок или проклятие, а может, и то и другое разом. Чёрт его разберёт. А теперь спи.

Хозяин дома ушёл в свою тень и словно растворился в ней. Эриана, который уже забыл, каково это - спать в тепле, мгновенно утянуло в глубокий, непроглядный сон без сновидений.

Глава девятая. Долгий путь.

С самого утра по избе плыл густой, одуряюще сытный дух. Старик приготовил ароматную, разваристую пшеничную кашу, щедро сдобренную диким мёдом. Сладкое тепло этого запаха смешивалось с древесным дымком и уютом разогретого очага. Варёво томилось в глиняном горшке у самого устья печи, исходя ароматным паром и лениво лопающимися пузырями, навевая мысли о мирных днях, которых Эриан не видел уже очень давно.

Хозяин хижины позвал истощённого гостя к столу. Когда уцелевший стражник со стоном поднялся со шкур и тяжело опустился на деревянную скамью, старик молча пододвинул к нему небольшую склянку из тёмного стекла с густой, пахучей настойкой на травах.

- На, помажь лик, - проворчал дед, окинув его хмурым взглядом. - То медвежий жир с травами. А то лица-то на тебе не видать.

Эриан коснулся пальцами щеки и поморщился от резкой боли. Осторожно втерев жирную настойку в раны, он почувствовал, как стянутую плоть наконец слегка отпустило.

Горячая сладкая стряпня обжигала, но дарила телу долгожданные силы. Хозяин, мерно отправляя ложку за ложкой в беззубый рот, нарушил молчание:

- Нынче я тебя никуда не отпущу. Полежишь здесь, оклемаешься малость.

Эриан молча продолжал есть, жадно глотая сытное варёво.

- Вечером курицу отварю. Забил я кур недавно, девать уже их некуда. А завтра рано поутру, - он разломил буханку хлеба, протянул половину гостю. - Собираться будешь.

Эриан на секунду замер с занесённой ложкой.

- Да, мне пора в путь, - глухо отозвался мечник.

- Нам пора в путь, - перебил его старик.

Уцелевший латник удивлённо посмотрел на хозяина хижины. Тот не стал ничего объяснять словами - он лишь коротко мотнул седой бородой в сторону дальнего угла избы. Там, у самой стены, стояло деревянное ведро, приготовленное с вечера. Но чистая вода в нём больше не плескалась - она насквозь, превратившись в мутный кусок льда.

- Стужа крепчает, - тихо произнёс старик, глядя на лёд. - Скоро и печь моя не справится.

Эриан перевёл растерянный взгляд с замёрзшего ведра обратно на дымящуюся миску. Сказать было нечего. Он лишь ниже опустил голову и продолжил молча есть кашу, чувствуя, как невидимые оковы безликой напасти сжимаются даже вокруг этого крошечного лесного островка тепла.

Скиталец весь день пролежал на шкурах. Под вечер, когда его в очередной раз вырвали из сна душные кошмары, он увидел в полумраке избы, как скрюченный старик сидел у печи, безмолвно глядя на угасающие угли. Всматриваясь в его силуэт, Эриан ощутил, как сжалось сердце: ему показалось, что в конце пути его самого ждёт точно такая же одинокая, безрадостная участь - замерзать в неизвестности посреди наступающего вечного холода.

Новое утро наступило так же незаметно, как подкралась ночь накануне. Серые дни больше не отличались от беспросветных ночей - весь мир вокруг хижины утонул в вечных сумерках, где время словно остановило свой ход.

- Вставай, юнец. Собираться надобно.

Эриан с неохотой поднялся с тёплой постели. Он принялся одеваться, его пальцы, ещё не до конца оттаявшие, с трудом повиновались. Тяжёлые и заспанные мысли сбивались в кучу. Впервые за долгое время ему не хотелось никуда идти. Этот миг покоя, это тепло очага пленили его, как родной дом.

- Куда нам идти? - пробормотал он, натягивая промёрзшие сапоги. - Эта метель, кажется, повсюду. Она заполонила весь мир.

- Подальше. Нас ждёт славный путь, - голос старика прозвучал горькой иронией и мрачным оживлением. - Через опасные места. Всё вокруг будет пытаться убить. И озлобленное зверье, и жадные до чужого добра люди, и этот холод, что точит душу. Я хорошо бью из лука. Почти не мажу. А ты чего умеешь?

- Я мечник. Сражу любого в честном бою. Клинок в моей руке не знает пощады. Я десять лет стоял в карауле на стенах крепости. Я знаю, как строится строй, как держать щит, чтобы он защищал напарника, и как наносить удар, который проходит сквозь латы.

- Но только не того, кого не видно, - голос Эриана дрогнул. - То, что оттуда вырвалось, не сражалось оружием...

Старик продолжал собираться.

- Я застоялся тут. Оцепенел. Эти места меня тоже спасли когда-то. Как и тебя сейчас. Приполз сюда, как зверь подраненный, с душой, полной пепла. Тогда здесь люд был... соседи. Потихоньку все разбежались, кто куда. Остался я один. Думал, доживать свой век. – спина у старика выпрямилась, плечи расправились, и он словно стал больше, заполнив собой всю хижину. - Теперь пора идти. Двигаться надобно. Застоявшаяся вода, сам видишь, промерзает насквозь, а застоявшийся человек - и подавно.

Хозяин молча кивнул, потушил свечу, и в хижине стало почти темно. Затем он надел капюшон, взял свой лук и мешок.

- Пора. Бери ту сумку. Там провизия и всякая мелочь. Сани свои оставишь, барахло одно. Они вышли в белую мглу.

Ветер ударил в лицо с такой силой, что у Эриана перехватило дыхание. Холод не просто кусал - он жёг кожу, впивался иглами в лёгкие. Снег кружился в бешеном танце, стирая горизонт, небо, землю. Мир сжался до размеров пары шагов впереди идущего старика.

Эриан обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на хижину - тот крошечный островок спасения, что подарил ему немного покоя. Но её уже не было видно.

Старик, не оборачиваясь, прокричал сквозь вой ветра:

- Не оглядывайся! То уже тень, а впереди – долгий путь.

И они зашагали в белую пустоту навстречу неизвестности, опасностям и, возможно, единственному шансу понять, что же на самом деле идёт за ними по пятам.

Глава десятая. Низкорослый гость.

Тяжёлая, обитая железом дверь таверны «Падший меч» со скрипом отворилась, впус­тив внутрь густой клуб морозного пара. На пороге выросла приземистая, необычай­но широкая фигура путника.

Внутри было тепло, на стенах тускло догорали задымлённые сальные свечи, в печи тихо потрескивали поленья. Но больше всего пришельца поразила тишина. Гнетущая, необычай­ная. В таких местах обычно стоит хмельной гул, а сейчас все посетители молча, не отрываясь, смотрели только на него.

Хозяйка подошла к стойке, бесцеремонно поставила перед незнакомцем большую пор­цию эля.

- Далеко же ты ушёл от родных краёв, однако, - проворчала старуха, уперев ладонь в бедро. - Что, это самое, у вас там тоже снегом всё навалило посреди весны?

Незнакомец хмуро посмотрел на кружку, шумно понюхал варево и решительно оттолк­нул его.

- Не хочу я этого пойла, - глухо отозвался он. - Я давно не был в Синегории. Дома у меня больше нет. Как нет и охоты пить всякую хмель. Дай лучше горячего супу, если есть.

- Впервые в жизни вижу синегорца-трезвенника, - хозяйка удивлённо вскинула брови и переглянулась с посетителями.

Зал мгновенно разразился хохотом.

- Нет дома, это самое, нет тяги к выпивке... А имя-то хоть у тебя осталось? - спросила трактирщица, возвращаясь из кухни и с глухим стуком выставляя перед ним глубокую дере­вянную плошку с супом.

- Борд меня зовут. Прозвали Угарником, - буркнул гном, вцепившись в ложку. - Кузнец, если кому интересно.

- Слышь, так ты гном или просто карлик недоросший? - нагло выкрикнул кто-то из полу­мрака у дальней стены.

В таверне снова грохнул издевательский смех. Борд отложил ложку, резко спрыгнул с высокого стула на пол и одним движением сорвал с плеч тяжёлый дорожный плащ.

- А вот это, доходяга, ты зря, - прорычал он, обнажая широкие плечи. - У меня как раз весь день кулаки чесались. Выходи сюда, буду отвечать на твои вопросы. Железом клянусь, быстро научишься уважать чужие мозоли!

Все посетители резко повскакали с мест, готовые к потасовке. Но хозяйка таверны властно взмахнула ладонью вниз, и люди послушно сели обратно.

- А ты горяч, я погляжу. Люблю таких, - старуха усмехнулась. - Себя в обиду не дадут, это самое, да и других просто так задевать не станут. Успокойся, синегорец. Суп за счёт заведения. Местечко у меня тихое, драки мне тут без надобности.

Борд понемногу остыл. Почесал густую окладистую бороду, хмуро оглядел притихший зал и снова забрался на высокий стул.

- Ну так куда, это самое, путь держишь? - спросила трактирщица, тяжело опершись руками о дубовую стойку.

- Куда глаза глядят, - буркнул гном, зачерпывая ложкой суп. - Работу думаю сыскать. Может на запад - потеплее там, небось.

- И ты думаешь, этот проклятый холод туда ещё не раскинул свою ярость?

- Вот, дойду - погляжу, - ответил Борд, не поднимая головы.

- Не знаю... Раз уж до наших краин дошла стужа... - она низко склонилась над стойкой и заглянула синегорцу прямо в зрачки. - А ты сам-то знаешь, что в мире стряслось? А то вижу, ты и краем уха, это самое, не слышал, что творится в мире.

Борд ответил прямым, жёстким взглядом. Глаза старухи казались острыми, орлиными - будто она вот-вот вцепится когтями.

- Ну похолодало немного. И что с того? - проронил гном.

Собравшиеся в полумраке работяги начали робко хихикать, переглядываясь. Старуха резко выпрямилась. Рост у неё оказался высоченным - вытянувшись во весь свой размах, она почти доставала теменем до массивной деревянной люстры.

- Короли-то все померли. И твой, это самое, синегорский владыка - тоже. Даже у степняков, далеко на востоке, та же напасть: глаза побелели, иней во рту. Все разом погасли, как свечи.

Гном со стуком бросил ложку в супницу, выпрямился. Брызги жира полетели на стол.

- Руда мне в голову! Из-за этой стужи, что ли?! - рявкнул он.

- Так болтают. А толком никто не знает, - она принялась неторопливо собирать пустую посуду, протирать засаленной тряпкой деревянные миски. - Народ прозвал эту напасть, это самое, просто - Холод.

- И что теперь в Трисмерии происходит? - спросил Борд, хмурясь.

- Да ничего хорошего. Всё как обычно, когда власть утекает сквозь пальцы. Только людей грабить начали похлеще прежнего. Всякое отребье из щелей полезло. Герцоги, бароны... Все друг на друга пошли - отжать себе кусок земли.

Борд мрачно усмехнулся, снова потянулся к ложке.

- У новых хозяев и аппетиты всегда похлеще будут, верно? - бросил он негромко.

- Твоя правда, синегорец. Твоя... А ведь померли-то правители, это самое, все в одну-единственную ночь. Вот совсем недавно. Странно, да?

- А то, - Борд доедал свой суп, не поднимая головы. - Откуда Холод этот пришёл, что в народе болтают?

- Да разное говорят, но к нам эта зараза приползла с далёкого юга. Считай, уснули весной, а проснулись - лютая зима.

- А я в пьяном угаре, - гном хмуро уставился в окно. - И не заметил беду. Только когда холода прижали, тогда очухался.

Хозяйка кивнула и сменила посуду, поставив перед ним кружку с горячим травяным напитком и кусок сытного ягодного пирога.

- Это самое, - она неторопливо разлила взвар себе и гостю. - А чего ты в Синегории-то своей не остался? Чего в бега подался?

- Да из-за пьянства, - нехотя выдавил Борд. - Пил я. Много, часто и без просыху. Вот старейшины клана и выставили меня вон. А я и не просил оставлять. Взял пожитки и ушёл подальше. Засел на самом краю... Звать-то тебя как, хозяйка?

- Агнесса. Давно ушёл? Тут, это самое, слухи ходят, будто орочья тварь завелась где-то у подножья твоих гор. Не видал лихого дикаря?

- Никого я не видел. Только баранов скальных да орлов в вышине.

- Ясно, - Агнесса задумчиво побарабанила костлявыми пальцами по столешнице. - Знаешь что, синегорец. Ты оставайся тут, сколько захочешь. Свободная комната на постоялом дворе найдётся. Это самое, кузнец мне дозарез нужен. Мужики у меня вокруг одни крестьяне, молот в руках держать не умеют, а времена наступают лихие. Ходят по дорогам всякие... У меня в закромах полно железа. Помятое всё, это самое, разбитое, подлатать надобно. Еда и кров с меня. За работу?

Борд медленно обернулся на затихший зал. Работяги у стен застыли. Кто-то приглушённо закашлял, но все посетители смотрели на пришельца так, словно от его согласия зависели их собственные жизни.

- Кузница-то рабочая есть? - прямо спросил синегорец.

- Всё есть. Кузнеца только нет. Пошли, сама покажу.

Старуха поднялась со своего места, увлекая его за собой через тёмный задний проход во внутренний двор. Вскоре они оказались в холодном пристрое, пахнущем копотью, старым углём и сыростью.

- Ну, гляди, Угарник, - сказала Агнесса, обводя узловатой рукой убогое, заброшенное помещение. - Твои новые владения.

Она выпрямилась во весь свой рост и посмотрела на гнома испытующе, выжидая ответа.

- Ты ведь не герой и не доблестный воин. Кто же ты тогда, Борд?

- Я кузнец, - с внезапной, яростной силой выдохнул синегорец. - Лучший во всей Синегории. Я могу возвращать металлу его душу. Могу из груды ржавого хлама сотворить оружие, которое запоёт свою смертную песню в бою.

Агнесса медленно кивнула, и в её больших глазах с красными зрачками мелькнуло нечто, похожее на уважение. Не произнося больше ни слова, она вышла, плотно притворив за собой тяжёлую дверь.

Борд остался один под заунывный, яростный вой ветра за тонкими стенами. Он медленно подошёл к замершему горну и провёл мозолистой, изуродованной ожогами ладонью по холодной наковальне, счищая с неё налёт ржавчины и пыль забвения.

Он действительно не был ни героем, ни воином. Он был обычным пьяным крикуном, которого вышвырнул свой же народ. Но теперь, посреди этого наступающего зимнего ада, у него появился призрачный шанс выковать своё искупление. Ради самого себя. Ради того, чтобы в последний, единственно важный бой в своей жизни он вошёл с тяжёлым молотом в руках и с чистой яростью в груди.

Глава одиннадцатая. Степь.

Два всадника медленно двигались по бескрайней степи, подчиняясь вековому ритму кочевья. Их кони - низкорослые, косматые, с широкими упрямыми мордами - могли бы показаться смешными надменному жителю вечерних стран. Но в сырой земле давно истлели кости всех, кто смеялся над степными скакунами.

Степь была их миром и матерью. Бесконечный океан ковыльных трав изредка прерывался кольцом древних, пологих сопок. Эти холмы укрывали маленькие зелёные долины с чистыми озёрами и быстрыми речками - идеальные места для временного стойбища.

Уранхайцы говорили на суровом, резком языке - для чужака он звучал как треск поленьев в ночном костре. Их домом были просторы до самого горизонта. Они пасли бесчисленные стада и жили по закону Великого Круга. Здесь каждый с малых лет становился воином. Мужчины не ведали страха, женщины росли в той же неограниченной воле. Сильнейших рубак звали батырами, гордых женщин - хотунами. В седле, в бою или на совете родов они стояли наравне под бескрайним Вечным Небом.

- О чём твои мысли, половина моего седла? - спросила наездница с чёрными, как безлунная ночь, глазами. Её длинные волосы, заплетённые в сложные косы, были украшены резной костью и серебром - они глухо и мелодично звенели на ветру.

- О тэгине, - всадник, чьё лицо покрывали шрамы, медленно обернулся к спутнице. - Он ушёл к праотцам. Так же, как и все правители западных стран.

- Пусть Тэнгри примет его душу в свои Синие чертоги! - хотун прищипорила коня, поравнялась с мужем.

- Да будет так. И всё же... - Мункэ нахмурился, провожая взглядом далёкие скалы на том берегу. - Наши лазутчики говорят о внезапной стуже. Она заживо хоронит их мир.

- Я слышала - у жителей заката посреди весны снова наступила зима.

- Не успел наш тэгин при жизни забрать их земли...

- Он был слишком стар, Мункэ. А старые правители ленятся, долго думают и под конец хотят лишь покоя, - хотун равнодушно пожала плечами.

Они продолжали неторопливо двигаться вдоль великой реки Олуэн. Она петляла по равнине серебряной змеёй. На противоположном берегу, на фоне кроваво-красного заката, высились Каменные столбы - молчаливые, грозные стражи границы. Эта река испокон веков была рубежом, делившим мир надвое: их бескрайние степи - и душевные, каменные твердыни западных жителей.

- Слушай, волчица! Догони меня на своём вороном Тургэне до того утёса!

Мункэ прищипорил белого скакуна и стрелой унёсся вперёд. Томирис - грозный нойон, командующая целым тумэном всадников - лишь рядом с ним сбрасывала маску полководца и превращалась в обычную девчонку.

Когда копыта Тургэна выбили искры на вершине утёса, Мункэ уже стоял на краю, всматриваясь за реку. Его белоснежный конь терпеливо ждал рядом, лениво помахивая гривой. Отсюда было видно далеко за горизонтом, как величественные столбы обрывали свой вековой бег.

- Твой Чагельган быстр как молния, Мункэ, - Томирис осадил вороного, тяжело переводя дыхание. - Впрочем, как и твои мысли.

- Этот холод... Его не должно было быть. Почему Тэнгри решил раздавить этих людей, наслав мертвую стужу на их головы?

Мункэ прищурился. Он молча указал плетью далеко на юг. Там, за рекой, на самом краю обитаемого мира, выползала едва заметная сизая дымка. Холод уже грозился к их родным ковыльным просторам.

- Не думаю, что это кара Тэнгри. Это дыхание другого бога. Злого, голодного и чужого.
Прямо у их коней высился каменная плита. Время не пощадило его, но сквозь мох и трещины ещё проступали руны - стихи, высеченные много веков назад неизвестным кочевым тэгином:

Неси меня, мой конь, за те горы и облака,

Где горит тот огонь, потрескивая слегка.

Там, в родных краях, верно ждёт моя жена,

Ищет меня в степях, как светлоликая луна.

Она является светом в самые тёмные ночи,

Становясь самым ветром, умеет гнать тучи.

Уноси скорее, мой друг, оставляя лишь пыль,

Разорви порочный круг, преврати его в быль.

Нам обратно стало пора, копыт своих не жалея,

Ты резво топтал до утра земли падших королей.

Мимо серых этих скал, что хранят тысячу камней,

И пусть не пугает оскал тяжесть минувших дней.

Летящей будь стрелой, молниеносной, как гроза,

Ведь ждут меня домой любимые, чёрные глаза!

Томирис мягко улыбнулась. Её чёрные глаза засияли, на обветренных щеках проступил румянец.

- Это мои самые любимые стихи, - тихо произнесла она. - Как же сильно тот древний тэгин любил свою женщину...

- Да, - кивнул Мункэ, не отрывая тяжёлого взгляда от сизой дымки на горизонте. - Те, кто слагают песни, говорят на языке богов. Они доносят до нас голоса из вечности.

Батыр ловко вскочил в седло. Пора было спешить – Курултай не ждал. У нойона был на это свой расчёт. Он бросил последний взгляд на наползающую сизую дымку за рекой, затем перевёл его на скачущую вслед Томирис.

«Ну же, Мункэ... - подумал он, уже несясь во весь опор к стойбищу, чувствуя, как под седлом играют стальные мышцы Чагельгана. - Скоро всё решится. Смогу ли я стать тем, кем рождён быть? Будет ли по-прежнему смотреть на меня она? Черноглазая и девять раз благословенная Томирис? Сохранит ли её взгляд тот чистый огонь, ту гордость и веру, что заставляют моё сердце биться чаще?».

Он вонзил пятки в бока скакуна, заставляя его лететь быстрее, словно пытаюсь уйти от собственных мыслей. Но они, неотступные, как его тень, неслись следом. Теперь молодому батыру предстояло доказать соплеменникам, что он достоин вести не только смертоносный тумэн, но и всю Орду. Впереди ждал древний обычай. Скоро небесный владыка судеб начертает на золотых страницах имя нового повелителя уранхайцев.

Глава двенадцатая. Курултай.

Тэгином у кочевников мог стать любой выходец из знатного рода - и мужчина, и женщина, ведь власть под Вечным Небом никогда не передавалась слепо по праву крови, а завоёвывалась силой, мудростью и личной доблестью. Степные девы имели полное право занять Белую юрту, но зачастую они избирали иные пути, зная, что истинные решения порой вызревают в тишине, в доверительных беседах у ночного очага. Слова хотун были подобны невидимым стрелам, без промаха бившим в самую суть, а её ладони могли в один миг успокоить бурю в душе батыра. Нередко на поле брани уранхайская дева бывала безжалостнее любого смельчака, но, возвращаясь под родной кров, она вновь превращалась в мудрую и ласковую хранительницу очага.

- Смотри, всё уже готово для Курултая, - сказала Томирис. Они стояли на холме, откуда открывался вид на собравшуюся Орду.

Главная юрта тэгина, где собрались все знатные и уважаемые уранхайцы, была ослепительно-белого цвета - как символ чистоты помыслов и нерушимого единства рода. Неподалёку от неё шумела гигантская стоянка лошадей. Коней привязывали к резным сэргэ - массивным деревянным столбам. Вырезанные древними руническими узорами и вкопанные в землю, эти коновязи останутся здесь на века, безмолвно храня память о дне, когда степь обрела нового повелителя.

Кочевники праздновали и ликовали: у них будет новый тэгин, тот, кто поведёт их роды вперёд. Народ повиновался только силе, но не грубой, а овечьей мудростью и волей Тэнгри. Они, точно дикие кони, всем сердцем жаждали, чтобы их необузданный, яростный нрав наконец направила твёрдая, знающая рука.

Всюду царил бурлящее движение и жизнь. Тысячи степняков водили колоссальный хоровод - осухай, уходящий корнями в глубь тысячелетий. Неподалёку молодые батыры выясняли в суровых силовых забавах, кто из них сильнее, быстрее и хитрее. Воздух дрожал от мощных ударов обтянутых кожей барабанов, тревожного рёва боевых рогов и низкого, вкрадчивого горлового пения, повествующего о подвигах предков. Шаманы, облачённые в тяжёлые одеяния с грохочущими бубенцами и костяными подвесками, давно разожгли священные костры. Они яростно камлали, их сознание уже витало в иных мирах, беседуя с духами и богами.

Внезапно верховный шаман орды - старый, седой старец в белоснежном облачении - вышел из юрты тэгина и воздел руки к Вечному Небу, призывая к молчанию. Гул мгновенно стих. Начиная Великий Курултай.

Достойных власти было много. За спиной каждого тянулась длинная история свершений, и каждый мог похвастаться тем, что навсегда вписал своё имя кровью в летописи уранхайцев.

Прежде чем ступить в священный круг, каждый должен был пройти между двумя огромными очищающими кострами. Пламя яростно вырывалось в небо, а тяжёлый жар едва не обжигал лица. Они верили: человек со злыми умыслами, затаивший чёрную, завистливую душу, ни за что не сумеет преодолеть этот огненный коридор - священный пламя Тэнгри обязательно опалит недостойного. Но все миновали испытание невредимыми, и теперь они стояли под сводами главной юрты, готовые предстать перед советом.

Внутри, в полумраке и дыму, собралась вся истинная мощь и мудрость народа: беседующие с духами шаманы, старейшины, хранящие в памяти тысячи лет преданий, и прославленные воины, чьи глубокие шрамы говорили о доблести красноречивее любых слов. Желаящие титул тэгина были разными - кто-то юн и пылок, с горящим взором, жаждущим немедленной сечи, кто-то - умудрён годами и спокоен, точно глубокое озеро в предгорьях. Воинские заслуги каждого оставались неоспоримы. Любой был признанным батыром, свято уверенным, что именно на него указал небесный владыка. И теперь, подчиняясь высшей воле, каждый должен был отстаивать это право, явив совету предельную смелость, мудрость и несокрушимое упорство.

Среди множества выделялись трое.

Первым вперёд выступил юный храбрец Дархан-элюй из знатного и многочисленного рода. Его прославили негибаемая воля и твёрдость руки. Тысячи врагов пали от его острой сабли, и ещё больше - от стрел, что на лету пробивали подброшенное в небо кольцо. Он был яростен, точно весенний паводок, и столь же неудержим.

Вторым в круг шагнул Кульган - почтенный, седовласый нойон, чьё имя давно стало воплощением чистой мудрости. Он завоёвывал не столько сталью, сколько словом и пронизательным умом. Перед ним ворота вражеских городов открывались сами, без единого удара. Слава о его хитрости бежала впереди самого быстрого скакуна.

Третьим к очагу приблизился Мункэ. Далёкий внук Боро-тэгина - некогда самого жестокого правителя уранхайцев, сжёгшего дотла тысячи городов вечерних стран. Но не древняя кровь отличала молодого батыра. Тумэн Мункэ ни разу не познал горечь поражения. Среди степняков упорно ходил устоявшийся, пугающий слух, будто он - провидец. Кочевники шептались, что Мункэ-нойон никогда не направит сабли своих людей в бой, заранее не зная, что Вечное Небо уже обрекло его на победу.

Все остальные понимали: эти трое - дерзкий Дархан, мудрый Кульган и дальнезоркий Мункэ - стоят бесконечно выше них. Казалось, сам Тэнгри невидимо шепчет им на ухо, призывая умерить гордыню. Каждый к собственному изумлению ощутил непреодолимое желание сделать шаг назад, а затем преклонить колено перед будущим тэгином.

Один за другим они молча отходили в тень. В самом центре огромной белой юрты, у священного очага, остались трое нойонов: Дархан-элюй, Кульган и Мункэ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.